

Искусство выживания

Автор:

Чингиз Абдуллаев

Искусство выживания

Чингиз Акифович Абдуллаев

В жизни актера Ильгара Салимова вдруг все пошло наперекосяк. Он остался без работы, без денег, без приличного жилья. И когда актер уже совсем отчаялся, к нему обратился с предложением известный продюсер шоу-бизнеса Палехов. За десять тысяч долларов актер должен был сыграть одну-единственную короткую сцену: кинуться под колеса автомобиля другого продюсера – Хейфица, злейшего врага и конкурента Палехова, и тем самым вызвать ужасный скандал. Актер согласился, но о планах Палехова рассказал Хейфицу. Тот придумал ответный ход и в свою очередь заплатил Ильгару, чтобы он сыграл уже на его стороне... Каждый из продюсеров был уверен, что Ильгар – пешка в его руках, и они даже не подозревали, что актер давно ведет собственную игру и блестяще играет свою роль...

Чингиз Абдуллаев

Искусство выживания

Вообще-то мораль зависит от точки зрения, и определить свою мне, очевидно, не удастся до самой смерти.

Франсуаза Саган.

«Ангел-хранитель»

Каждый убежден, что он абсолютно правильно может оценивать людей, тогда как окружающие его люди почти всегда ошибаются при оценке его самого.

Али Эфенди

Глава 1

Он решил встретиться со мной в лесу, чтобы исключить возможность прослушивания нашей беседы. Вот такой осторожный и предусмотрительный человек Глеб Мартынович Палехов, один из тех, чей портрет так часто публикуют в разных глянцевого журналах. Его лицо уже примелькалось на разных светских мероприятиях и тусовках. Палехов не просто известный продюсер, он один из тех, кто создает звезды. Берет никому не известных девочек и мальчиков и, постепенно раскручивая их, выводит на «звездные орбиты». При этом они попадают в абсолютную зависимость от него, заранее подписывая кабальные договоры, обязывающие в течение многих лет находиться под его опекой и платить ему большую часть своих гонораров. Наверное, с его точки зрения, это даже справедливо – ведь он вкладывает свои деньги в раскрутку ребят, но я не уверен, что это нравится его подопечным. Иногда кто-то пытается выскочить, освободиться, сбежать, но почти все такие попытки пресекаются очень жестким образом, и еще ни один человек из его «команды» не мог похвастаться удачным побегом. Скорее можно сбежать из колонии особого режима, чем освободиться от стальной хватки Глеба Мартыновича.

Ему сорок шесть лет, и говорят, что в молодости он провел около двух лет в тюрьме, получив свою первую судимость. Затем была еще одна судимость, а позже он переквалифицировался из фарцовщика в продюсера и добился довольно значительного успеха на ниве современного шоу-бизнеса. Во всяком случае, сегодня никто не спрашивает, кто такой Палехов, его репутация жесткого и требовательного продюсера хорошо известна. Он, конечно, выжимает из своих ребят все, что возможно, но при этом поддерживает их всегда и во всем, решая их проблемы. А сегодня проблема у него самого, и потому он пригласил меня на эту встречу.

Сегодня – двадцать пятое марта, накрапывает мелкий дождик, и я, надев утепленную куртку, жду его уже около двадцати минут, осматриваясь по сторонам. Но в такое время, да еще под дождем, здесь никого нет.

Я смотрю на серое небо, затянутое тучами, и думаю, когда он все-таки появится. Можно было назначить нашу встречу где-нибудь поближе к автобусной станции, чтобы мне не пришлось идти так далеко, но он принципиально выбрал именно это место. Наконец я вижу, как на дороге появляется обычная серая «Волга» с затемненными стеклами. Это тоже в его фирменном стиле, он всегда все просчитывает и предусматривает любую мелочь, которую только можно предусмотреть. Никому и в голову не придет, что Глеб Мартынович может появиться в лесу за городом, приехав на такой разбитой и дешевой машине. Могу поспорить, что где-нибудь неподалеку его ждет привычный навороченный представительский «Мерседес», на котором он обычно ездит. Интересно, кто сегодня сидит за рулем? С одной стороны, он, конечно, никому не доверяет, но, с другой стороны, он никогда бы не приехал на такую встречу один. Кажется, я догадываюсь, кто именно может сидеть за рулем, и если моя догадка верна, это не сулит мне в будущем ничего хорошего.

Машина останавливается. Так я и думал. Из салона автомобиля выходят сразу двое. Глеб Мартынович сидел на переднем пассажирском сиденье, за рулем был Арвид Карху. Это его помощник и личный телохранитель, который, собственно, и передал мне предложение Глеба Мартыновича приехать сюда на переговоры. Арвида я знаю уже больше года и думаю, что он один из немногих, кому Палехов хотя бы немного доверяет, а может, вообще единственный человек, которому Глеб Мартынович верит, – все-таки сказывается тюремный опыт. Я ведь тоже никому не доверяю, с тех пор как меня столько раз подставляли и обманывали. Говорят, что люди могут учиться на чужих ошибках. Но это вранье. Учатся только на своих, да и то не все. Но учиться на собственных ошибках больно и очень неприятно. Но об этом позже. Сейчас я стою и смотрю, как они вдвоем подходят ко мне. Палехов – среднего роста, лысоватый, с немного смешным носом уточкой и большими выразительными глазами. Арвид – высокий, типичный скандинав, хотя говорят, что он из Карельской области, значит, почти финн или карел, не знаю, есть ли вообще такая нация. Немногословный и очень спокойный, а главное – решает многие вопросы Глеба Мартыновича деликатного свойства.

Я понимаю, что дальше стоять просто неудобно, и начинаю движение в их сторону. Под большим деревом мы встречаемся. У Арвида в руках какой-то

аппарат. Или это пистолет? Зачем ему оружие? Может, они заманили меня в лес, чтобы убить? Но для этого не надо так далеко ехать, меня можно легко убрать и в другом месте, поближе к городу. И для этого необязательно приезжать самому Палехову или Арvidу, достаточно нанять какого-нибудь босяка. К тому же я вроде еще не успел сделать им ничего плохого.

Глеб Мартынович останавливается в нескольких метрах от меня, Карху подходит ближе, держа в руках непонятный прибор, но явно не оружие.

– Подними руки, Ильгар, – предлагает мне Арвид, и я послушно выполняю то ли его приказ, то ли просьбу.

Он проводит этим прибором по моему телу, и я догадываюсь, что он ищет спрятанный микрофон или что-то в этом роде. Но я не идиот, чтобы приходить на встречу с ними с такими штуками. Да и потом, у меня их вообще нет, они мне просто не нужны. Арвид поворачивается к патрону и кивает головой. Ничего не говорит, а просто кивает. Это тоже в его стиле. Зачем нужны лишние слова, если можно все проверить и утвердительно кивнуть. Он медленно возвращается к машине, и только тогда Палехов делает несколько шагов в мою сторону и испытующе смотрит на меня, словно впервые видит.

– Знаешь, зачем мы тебя позвали? – спрашивает он.

– Раз позвали, значит, нужно, – пожимаю я плечами. Могу себе представить, как он отреагирует, если я выскажу какие-нибудь предположения. Это ему может не понравиться.

– Ты ведь работал артистом в своем Баку? – уточняет Палехов. Как будто сам не знает.

– Это было давно, – отвечаю ему, – много лет назад.

– Но навыки остались?

– Наверное, не знаю. – Мне вдруг захотелось пошутить и спросить, зачем он меня сюда позвал. Неужели думает, что я исполню для него монолог короля Лира под дождем? В этой лесной зоне, под усиливающимся дождем. Но я знаю, что шутить

нельзя. Глеб Мартынович не любит и не понимает шуток. Он просто повернется и уйдет. А я останусь без денег, которые мне обещали и которые я должен получить. Ужасно интересно, что именно они мне предложат. Учитывая, в каком я сейчас положении, я готов на все. На все, что угодно, лишь бы мне заплатили деньги. Если он даже попросит меня кого-нибудь убить... Хотя наверняка не попросит. Палехов два раз имел дело с судебной-следственной системой и хорошо представляет себе, что для убийства нужно искать и находить совсем других исполнителей. Сейчас таких «специалистов» столько, что глаза разбегаются. Выбирай на свой вкус, любого. Знаете, сколько бывших милиционеров так и не стали полицейскими? А сколько сокращено военнослужащих? И это тысячи офицеров, которые умеют обращаться с оружием и не боятся крови. Но зачем-то он меня сюда позвал. Так что я должен стоять и терпеливо его слушать, пока он сам мне не объяснит.

– Что, не знаешь? – уточняет Глеб Мартынович. – Не помнишь, был артистом или нет?

– Помню, конечно. Просто вы спросили про навыки, а я ведь давно уже отошел... Много лет назад прекратил выступать...

– Нужно попытаться вспомнить, – неожиданно говорит он, – и сыграть свою роль как можно убедительнее.

Если выяснится, что он позвал меня сюда для того, чтобы предложить мне роль в каком-нибудь своем проекте, и именно поэтому я трясся в рейсовом автобусе целых два часа, прежде чем добраться сюда, я просто сойду с ума. Нет, этого просто не может быть, иначе зачем Арвид так тщательно меня проверял?

– Я готов, – на всякий случай заверяю я своего собеседника. – Что я должен играть?

– Самого себя, – поясняет Глеб Мартынович. – Мне нужен хороший актер для «бенефиса», который ты исполнишь завтра вечером.

– Какой бенефис?

– Показательный. Только без благодарных зрителей. Хотя несколько человек там наверняка будут, – отвечает Палехов.

Час от часу не легче. Какой бенефис? О чем он говорит? Что придется делать?

– Скажите, что от меня требуется, – набравшись смелости, хрипло произношу я эту фразу.

– Ты знаешь Михаила Лихоносова? – спрашивает Палехов.

Кто не знает Лихоносова? Это сейчас один из ведущих актеров нашей эстрады. Я слышал, что в молодости он работал с Глебом Мартыновичем, но потом их пути разошлись, и Палехов признал его профнепригодным. А Лихоносова раскрутил Леонид Иосифович Хейфиц, благодаря которому Михаил стал настоящей звездой российской эстрады и даже теснит таких мэтров, как Стас Михайлов и Ваенга. Говорят, что его гонорары уже приближаются к их гонорарам. А ведь они получают бешеные деньги.

– Лично не знаком, – коротко отвечаю я, – но по телевизору видел много раз.

– Этого вполне достаточно, – кивает Палехов. – Дело в том, что он живет на Николиной Горе и взял сразу два участка, которые примыкают друг к другу как два треугольника. Понимаешь?

– Не совсем.

– Чтобы проехать на свой участок, он должен резко свернуть влево, огибая чужой участок. А там живет какой-то известный бизнесмен, бывший глава нотариусов страны.

– Теперь понятно.

– Ничего тебе не понятно, – строго перебил меня Глеб Мартынович. – Лучше внимательно слушай, тогда все поймешь. Мне нужно, чтобы ты послезавтра вечером, когда Лихоносов будет возвращаться к себе на дачу, случайно оказался на этом повороте. И его машина должна сбить тебя.

– Вы хотите, чтобы он меня сбил? – Я ожидал чего угодно, но только не этого. Интересно, как ведет себя человек, которому предлагают броситься под машину?

– Да. Ты будешь ждать его как раз на повороте, – испытующе смотрит на меня Палехов, – и когда он повернет, окажешься прямо в этом месте. Верхний фонарь будет разбит, и его не успеют заменить, так что будет достаточно темно, чтобы он тебя не заметил. Или заметит в последний момент, но не успеет нажать на тормоза.

– Я не совсем понимаю ваш план. Вы хотите, чтобы он меня задавил?

– Нет. Я хочу, чтобы ты вспомнил свою прежнюю профессию. Ты случайно окажешься на повороте, когда его машина будет заворачивать, и он врежется в тебя. Как только собьет, мне важно, чтобы ты не только упал, но и оказался весь в крови. Кровь тебе дадут. Продумай, как ты сделаешь, чтобы сразу после падения кровь брызнула тебе на лицо и на одежду. Можно даже, чтобы она попала на его машину. Надо уточнить, какая у тебя группа крови, какой резус-фактор, чтобы ничего не перепутать. Кто-то может проверить, настоящая ли там кровь. Ну а потом тебе окажут первую помощь в местной больнице и отвезут в реанимацию. Можешь не беспокоиться, там будет дежурить наш врач, которого заранее предупредят.

– Значит, я должен броситься под его машину? – в каком-то оцепенении повторяю я.

– Да. И получить тяжелые травмы, чтобы обязательно была кровь. Улучишь момент, и пусть она брызнет во все стороны. Ударишься об его машину, закричишь, упадешь, брызнешь на себя настоящей кровью, и тебя увезут в больницу. Несколько дней тебе придется провести в реанимационной палате, где ты будешь абсолютно один, и никого к тебе не будут пускать. То есть тебе нужно всего-навсего в течение двадцати-тридцати секунд сыграть роль пострадавшего в автомобильной аварии. И очень надеюсь, что ты с ней сумеешь справиться.

– А если мы не рассчитаем и он действительно меня собьет? – уточняю я на всякий случай.

– Если он тебя задавит насмерть, то мы устроим тебе похороны по высшему разряду, – задумчиво говорит Глеб Мартынович, и я холодею, понимая, что он вовсе не шутит. Более того, в его глазах я читаю предостережение. Если бы можно было меня подставить, чтобы убить, он, не колеблясь ни секунды, сделал

бы это. Но сейчас подобная подстава очень опасна. Ведь я играю на стороне самого Палехова.

– Не беспокойся, – добавляет Глеб Мартынович, очевидно, почувствовав мое состояние, – ничего страшного не случится. Там поворот, и любая машина автоматически должна сбавлять скорость. Поэтому твоя задача – выскочить и самому удариться об его машину. Может, будет больно, может, ты даже сломаешь руку или ногу. Но не беспокойся, я оплачу все твои расходы на лечение и восстановление. Согласен?

Теперь я понимаю, что он задумал и зачем меня позвали. Лихоносов совершит наезд на человека и окажется на «крючке», который придумал для него Палехов. Молодец, ничего не скажешь. Изуверски продуманный план он разработал. Тогда Лихоносов согласится на все условия Глеба Мартыновича, лишь бы не доводить дело до суда. Ведь при связях Палехова эту аварию можно раздуть так, что Лихоносова просто сделают злостным хулиганом, сознательно задавившим несчастного гостя столицы, каким я буду выглядеть. Я смотрю на Глеба Мартыновича. Конечно, если меня переедет машина и я умру, это будет самый идеальный вариант, но на такое условие я не согласен. Лишь бы он не отказался платить. У меня сейчас столько долгов, что деньги мне просто необходимы.

– Сколько я получу? – немного нахально спрашиваю я у своего заказчика. В конце концов, меня действительно может сбить машина, и я в результате надолго попаду в больницу.

– Десять «косых» тебя, надеюсь, устроит? – уточняет Палехов.

– Двадцать. – Я сам не понимаю, откуда у меня появилась такая смелость, но зато точно знаю, что десять мне не хватит – я не смогу нормально расплатиться с долгами и послать деньги в Баку.

– За двадцать тысяч я могу нанять команду каскадеров, которые устроят ему показательное шоу, – мрачно говорит Глеб Мартынович. – Зачем тогда ты мне нужен?

– Что ж, придется сообщить эту информацию каскадерам. – Когда мне необходимо, я бываю достаточно логичным. И очень напористым. Но я в таком

положении, что десять мне действительно мало, а двадцать могут очень помочь.

– Десять тысяч за полуминутный ролик, – напоминает Палехов. – Такие ставки бывают у народных артистов, а ты, насколько я помню, даже не заслуженный.

Это значит, что он мне отказывает. Ну и черт с ним. В конце концов, пусть сам обижается на свою жадность. Он сам выбирает за меня, как именно мне нужно поступать. Согласился бы на двадцать, может, и я остался бы относительно порядочным человеком. Хотя нет, наверное, все равно не остался бы. Быть бедным и порядочным – это непозволительная роскошь. Гораздо проще быть богатым и порядочным или бедным и очень непорядочным. Я киваю головой, и Глеб Мартынович воспринимает мой кивок как согласие.

– Только учти, что все должно выглядеть естественно, – предупреждает он меня, – иначе не стоит даже начинать.

– Я сделаю все как нужно. А вы заплатите деньги вперед. – Это уже неслыханная наглость – не доверять самому Глебу Мартыновичу, но я ему не доверяю. Меня вполне могут задавить, и он не заплатит ни копейки. Зачем платить мертвецу? А родных в Москве у меня нет.

– Не доверяешь? – криво усмехается Палехов. – Думаешь, что могу кинуть...

– Нет, но...

– Ладно, – перебивает он меня, – вот тебе половина денег в качестве аванса. После аварии пришлю другую половину, – и протягивает пачку стодолларовых купюр.

Я жадно, слишком жадно и быстро хватаю деньги. Кажется, он начинает понимать, что деньги мне действительно очень нужны, и улыбается. Когда человек нуждается в деньгах так, как я, он готов сделать все, что ему прикажут. И мы оба отлично это знаем.

– Только учти, – говорит мне напоследок Глеб Мартынович, – про наш разговор никто не должен узнать. Никто и никогда. Иначе я выбью эти деньги из тебя вместе с твоими кишками. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Вы могли бы мне этого не говорить. – Как только деньги оказываются у меня в кармане, я чувствую себя гораздо увереннее, словно снова становлюсь почти человеком. Когда я приехал на встречу, у меня в кармане было около шестисот рублей и еще около ста тысяч рублей долгов. А теперь я ощущаю себя почти миллионером. Честное слово, самое важное в жизни любого человека – это деньги. Они дают чувство уверенности, свободы, позволяют верить в себя и даже уважать самого себя. Сразу вырастает самооценка. Или вы так не думаете? Значит, вы никогда не были в моем положении, когда у вас в карманах остается только двадцать долларов и на три с лишним тысячи долгов, которые срочно нужно отдавать. Честное слово, я готов был отдать несколько пальцев на руке или на ноге за эту сумму. Палехов даже не представляет, как нужны мне эти деньги. Хотя, наверное, догадывается.

– Не пропей деньги, – говорит на прощание Глеб Мартынович. – Завтра утром детали обсудишь с Арвидом. Он передаст тебе плазму с кровью. Все должно выглядеть натурально. Это самое главное, – после чего поворачивается и идет к своей машине.

Я стою под дождем, забыв обо всем на свете. У меня в кармане целое состояние. Знаете, что я собираюсь сделать в первую очередь? Никогда не поверите. Пойду в магазин и куплю себе нормальные ботинки. Всю зиму я проходил в этих легких мокасинах, которые пропускали воду и почти развалились. Я даже забыл, что с самого утра ничего не ел. Но теперь у меня будет столько денег, если только он не обманет и выдаст вторую половину. Хотя они, конечно, все равно ничего не решают. Что можно сделать на пять тысяч долларов в Москве? Купить один приличный пиджак. А вот если я сообщу Хейфицу о предстоящей аварии и получу другие деньги... Я даже зажмурился от удовольствия. Можно будет наконец купить машину, на которой я смогу выглядеть более презентабельно, чем сейчас. Но в то же время это очень опасная игра, которая может стоить мне жизни. О том, что нужно послезавтра бросаться под машину Лихоносова, я уже забыл. Хотя, наверное, это тоже опасно, но я об этом совсем не думаю. Если бы за большие деньги Палехов приказал мне лечь под машину, чтобы она меня переехала, я бы и тогда согласился. Впрочем, для этого нужно знать мою историю.

Меня зовут Ильгар Салимов. Мне сорок восемь лет, и я до сих пор не имею российского гражданства. Я – один из тех миллионов бывших граждан Советского Союза, кто после развала страны оказался в России, пытаюсь выжить. Нет, я не гастарбайтер, если вы подумали об этом. Я прибыл сюда достаточно давно, лет десять назад, когда решил круто изменить свою жизнь и попытаться устроиться в России. За эти десять лет что только со мной не случилось. И вот сейчас, видимо, крайняя степень моего падения – меня нанимают исполнить роль жертвы, чтобы каким-то образом завязать интересы Лихоносова на себя. Я ведь не ребенок и все понимаю. Палехову явно не нравится, как Лихоносов круто вошел в пике, поднимаясь по рейтингам выше всех остальных. Видимо, Глеб Мартынович не может простить самому себе, что так ошибся именно с Мишей Лихоносовым. На самом деле его можно понять. У Миши нет сильного голоса, он не поет, а скорее проговаривает свои песни. Никто не мог даже предположить, что он станет настолько популярным. Наверное, в какой-то момент понадобился и такой человек, как Лихоносов. Его всегда печальные глаза, тихий речитатив, опущенные плечи сделали свое дело. К тому же Леонид Иосифович Хейфиц, его нынешний продюсер, придумал ему красивую легенду о якобы первой любви и погибшей в автомобильной катастрофе невесте. На самом деле никакой невесты, конечно, не было, и никто у Михаила не погибал. Нашли какую-то женщину из его города, которую он якобы знал, и раскрутили эту историю как типичную трагическую мелодраму, чем привлекли к Лихоносову еще больший интерес.

Помните, была группа «Ласковый май», когда исполнителей, вышедших из детского дома, не просто жалели, но и любили. Тогда эта легенда очень удачно легла на их слезливые песни, и тысячи растроганных девушек и женщин умилялись и влюблялись. Так произошло и на этот раз. Просто Хейфиц все правильно просчитал. Миша Лихоносов появлялся в образе молодого человека, уже пережившего в жизни серьезную трагедию, и этим вызывал особые чувства у женской аудитории, растроганно слушавшей его тихие песни.

И вот теперь мне нужно сделать все, чтобы он на своей машине сбил меня и поверил в серьезность этой аварии. Утром следующего дня я встретился с Арвидом. Он узнал, какая у меня группа крови, и пообещал привезти нужный пакет с плазмой. Потом повез меня к месту, где должна была произойти авария. Там действительно достаточно крутой поворот, где просто необходимо было притормаживать. Я еще подумал, что согласился фактически стать смертником, – если Лихоносов не сможет удержать машину на повороте, он меня просто переедет. И учтите, что он обычно водит внедорожник «БМВ», и мне будет трудно удержаться в стороне от такой махины.

Все было обговорено заранее. Они даже выяснили, что неподалеку живет сосед, приехавший из Баку, и я всегда могу сказать, что направлялся в гости к своему земляку. В общем, все просчитано до мелочей. Оставалось только забрать пакет с кровью и отправиться на поворот, дожидаясь появления машины Лихоносова. С другой стороны будет дежурить заgrimированный Арвид, который подаст мне сигнал о приближении автомобиля и окажет первую помощь в случае необходимости. Одним словом, к нашему спектаклю все готово.

Но десять тысяч долларов – это такая ничтожная сумма. Из пяти я должен отдать три с половиной, чтобы рассчитаться со своими долгами, и у меня останется только полторы тысячи. Даже после того, как я «попаду под машину Лихоносова» и получу еще пять тысяч, все равно не смогу решить свои проблемы, это слишком ничтожная сумма. Но другого варианта у меня нет, значит, я обязан рисковать, если хочу заработать деньги. Это мой единственный шанс, который выпадает не так часто, а в моем положении – почти никогда. Следовательно, моя задача – найти за сегодняшний вечер Леонида Иосифовича Хейфица и предложить ему свои услуги. При этом нужно быть убедительным и достаточно логичным, чтобы он мне поверил. Где он живет, я, конечно, узнал заранее. Но туда меня просто не пустят, ведь у него в доме есть консьерж и охрана. Подойти к нему при всех я не могу – сразу себя выдам. А если не получится поговорить с ним до завтрашнего дня, то грош цена моим признаниям. Потом будет уже поздно. Нужно сделать все, чтобы связаться с ним сегодня вечером. Конечно, легче всего взять и позвонить ему, узнав у кого-то из знакомых ребят его номер телефона. Но, во-первых, он не ответит на незнакомый звонок, а во-вторых, просто не захочет разговаривать с неизвестным на подобные темы, понимая, что это может быть обычной провокацией.

Как хорошо бывает в таких случаях в кино. Вы залезаете в квартиру к нужному человеку и дожидаетесь его там. Только это в кино достаточно просто, а в жизни все гораздо сложнее. У меня нет никаких подобных навыков, и я не знаю, как влезать в чужие квартиры, не говоря уже о том, что там есть охрана, которая просто вызовет полицию. Как тогда заставить Леонида Иосифовича выслушать меня? Я, конечно, побрился, купил новые ботинки, но у меня на лице написано, кто я такой – страдающий и не очень обеспеченный человек. Он может не поверить мне, а поговорить с ним сегодня очень важно. Важно не только для меня, но и для него.

Я бесцельно ходил по улицам Москвы, пытаюсь понять, каким образом выйти на Хейфица, и вдруг увидел афишу, сообщавшую, что сегодня в концертном зале

«Крокус-сити» будет выступать молодая певица, правда, протеже другого продюсера, кажется, Матвиенко. А в ее концерте примет участие и Михаил Лихоносов. Шансов, конечно, мало, но, возможно, мне удастся встретиться с Леонидом Иосифовичем, если он будет там. Хотя он может не прийти. Но тем не менее это мой шанс. Я купил самый дорогой билет, отправился на концерт за полтора часа до начала и попытался пройти за кулисы. Конечно, там был охранник, который никого не пускал, и все мои попытки ни к чему не привели. Потом мне все же повезло. Когда мимо прошли двое гитаристов, я предложил им по сто долларов, чтобы они помогли попасть за кулисы. Конечно, ребята согласились, и я, забрав их инструменты, пошел за ними. Через пять минут я уже был на месте, у гримерки Лихоносова. Он еще не подъехал, и гитаристы предложили мне стул. Двести долларов им явно понравились, к тому же они были неплохими ребятами. Я сел в коридоре и стал ждать. Мимо меня ходили разные люди, но никто ни о чем не спрашивал. По-моему, некоторые принимали меня за охранника, который намеренно сидит здесь, чтобы не подпускать никого к Михаилу Лихоносову. Через некоторое время появился сам продюсер Матвиенко. Я его узнал по характерному выбритому черепу. Некоторые считали его самым талантливым среди остальных продюсеров. Но Палехов и Хейфиц совсем другие. Первый привык действовать беззастенчиво и грубо, второй – более изощренно, но оба отличались скорее закулисными интригами, чем собственными талантами. Оба были не композиторами, а удачливыми менеджерами.

Буквально через полчаса появились Михаил Лихоносов и сразу трое его сопровождающих. У меня вытянулось лицо, Хейфица среди них не было. Я прождал больше часа, и ничего не получилось. Один из сопровождавших был охранником Лихоносова, другой – визажистом, а третий – вообще неизвестно кем. Но я остался сидеть на стуле как полный дурак, не зная, что делать дальше. Охранник весело подмигнул мне, очевидно, приняв за своего коллегу, и остался стоять у дверей гримерки.

Через двадцать минут Лихоносов в своем обычном темном костюме вышел из гримерки и направился к сцене. Я даже не поднялся при его появлении, мне было уже все равно. Оставалось одно – продолжать искать выходы на Хейфица. Я готов был на все. Даже поехать к нему домой и попроситься на встречу, понимая, что шансов почти нет. Это глупый и отчаянный шаг, который наверняка ничем хорошим не закончился бы. Он бы меня не принял, а если бы и принял, то никогда бы не поверил. Поэтому я сидел на стуле и размышлял, как именно следует поступить дальше.

Охранник вернулся в коридор и бесцельно бродил около гримерки Лихоносова, иногда бросая на меня ленивые взгляды. А я сидел и думал, что мне делать и каким чудесным образом выйти на Хейфица. Но, наверное, в этот вечер мой ангел был рядом со мной. Лихоносов еще выступал на сцене, когда в коридоре появился Леонид Иосифович. Я даже не поверил своим глазам. В жизни он был гораздо меньше ростом, чем на телеэкране, с большими характерными ушами, коротко постриженный, в очках. Хейфиц быстро вошел в коридор и о чем-то спросил охранника. Тот вытянулся перед ним, отвечая на вопросы, и тогда я понял, что это мой единственный шанс, чудесным образом выпавший мне в этот вечер. Поднявшись, я шагнул к нему, и они с охранником обернулись в мою сторону.

– Извините меня, Леонид Иосифович, что я решился вас побеспокоить, но дело исключительно важное, – стараясь говорить как можно тише, произнес я, обращаясь к продюсеру.

Он внимательно посмотрел на меня. Как мне повезло, что мы встретились именно в коридоре перед гримеркой Лихоносова. Он посчитал меня либо телохранителем, либо сотрудником дворца, в любом случае человеком, каким-то образом приближенным к кухне этого закулисья, и согласился меня выслушать.

– Это очень важный разговор. Он касается Михаила Лихоносова, – так же тихо продолжил я, – и мне необходимо срочно с вами переговорить.

Хейфиц взглянул на охранника. В конце концов, он ничего не терял, и здесь было достаточно безопасно.

– Давайте пройдем дальше, – предложил Леонид Иосифович. Все-таки он был умным человеком и не пригласил постороннего войти в гримерку его подопечного.

Мы сделали несколько шагов по направлению к моему стулу. Теперь все зависело от моей убедительности.

– Что вы хотите мне сказать? – поинтересовался Хейфиц.

– Дело касается Лихоносова, – повторил я, – но мне нужны гарантии, что больше никто не узнает о нашем разговоре. Это очень опасно...

- Говорите, - потребовал он, - никто не узнает...

- Завтра вечером у дачи Лихоносова произойдет авария...

- Какая авария? - не поняв, перебил меня Хейфиц.

- Автомобильная.

- Ему хотят устроить аварию? - Было видно, что он не особенно мне верит.

- Не в том смысле, в каком вы решили. На него никто не будет покушаться. Просто завтра вечером он собьет человека на повороте к своей даче, и его обвинят в ДТП.

Хейфиц задумался. В тот момент я еще не знал, о чем именно он думает, но, видимо, мои слова его очень зацепили.

- Откуда вы об этом узнали? - наконец поинтересовался он.

- Вы должны мне верить.

- И тем не менее я хочу знать, - настаивал Леонид Иосифович.

- Я знаю человека, которого он завтра собьет. Там уже приготовлена его группа крови, чтобы залить машину Лихоносова.

Хейфиц нахмурился и неожиданно спросил:

- Как вас зовут?

- Ильгар.

- Кто этот человек? Откуда вы узнали?

– Этот человек перед вами, – твердо проговорил я. – Завтра Лихоносков должен сбить меня на повороте. Все уже готово, даже реанимационная палата в больнице.

Хейфиц прикусил губу. Господи, если бы я знал, о чем он думает!

– Кто его заказал? – спросил он. Вот это самый главный вопрос, и на него у меня нет готового ответа, пока Леонид Иосифович мне не заплатит. – Можете не отвечать. Я знаю. Это характерный стиль Глеба Мартыновича. Никак не может успокоиться, что Миша перешел ко мне, и таким дурацким образом хочет его зацепить и снова переманить к себе. Он ведь знает, как Миша переживает свою первую аварию, вот и решил сыграть на его психике.

Я подавленно молчал. Обидно, что мой самый главный секрет, оказывается, ничего не стоит, если Хейфиц так легко вычислил организатора этой провокации. И вообще я должен сказать, что почти во всех случаях легко можно просчитать, кому выгодно заказное убийство или подобная подстава. В девяносто девяти случаях из ста. Знаете, почему до сих пор не раскрыто убийство тележурналиста Листьева? Только потому, что тогда не могли открыто обвинить заказчиков его убийства, а исполнителей уже давно, видимо, ликвидировали.

– Что вам нужно? – перебил мои мысли Хейфиц. – Зачем вы решили мне это рассказать?

– Я бедный человек, мне заплатили двадцать пять тысяч долларов, чтобы завтра ваш подопечный меня сбил. Я решил, что будет справедливо, если я обо всем вам расскажу.

– Двадцать пять тысяч за один прыжок на автомобиль Миши Лихоносова? – недоверчиво переспросил Леонид Иосифович. – Чтобы Палехов заплатил тебе такие деньги за такую подставу? Никогда в жизни не поверю. Сколько он тебе пообещал? Пять или десять тысяч?

Почему все эти продюсеры такие жадные и так похожи друг на друга? Даже обидно. Я тут рискую жизнью, рассказываю ему о том, как хотят подставить его подопечного, пытаюсь спасти репутацию Лихоносова, а он торгуется из-за каких-то нескольких тысяч.

- Обижаете, - с оскорбленным видом ответил я.

- Не нужно обижаться, - посоветовал Хейфиц, - давайте лучше сделаем так. Завтра вы выполните все, что вам приказали. Броситесь на машину и зальете ее своей кровью. Кровь вам уже приготовили?

- Конечно. Настоящую. Это не краска.

- Не сомневаюсь. Палехов всегда четко работает. Выполните задание, а потом пусть вас увезут в больницу. Оттуда вы мне перезвоните и скажете, где именно находитесь. Остальное - уже мое дело. Будем разбираться с нашим дорогим Глебом Мартыновичем.

- А я останусь в больнице?

- Нет, конечно. Мы вас оттуда заберем.

Я неопределенно пожал плечами. Какая мне радость, что меня оттуда заберут? Я рассчитывал на его понимание, и, кажется, Леонид Иосифович понял, что должен заинтересовать меня в этом звонке.

- Сколько вы хотите за телефонный звонок? - спросил он. - За прыжок на автомобиль вам уже заплатили.

- Я думал, что вы мне заплатите такую же сумму. - Мне необходимо выторговать с него как можно больше.

- Напрасно подумали. Не говоря уже о том, что сумму вы наверняка зависили раз в пять. Любого бомжа за пару тысяч можно найти, чтобы согласился на машину броситься. А вы говорите, двадцать пять тысяч долларов. Не смешите меня.

- Они решили, что им нужен профессиональный артист, - гордо ответил я.

- А вы действительно профессиональный артист? - удивился Хейфиц.

– У меня диплом театрального института, – мрачно сообщил я, уже жалея, что вообще связался с таким жадным типом.

– Ладно, – неожиданно легко согласился Леонид Иосифович, – пусть будет десятка. Хотя понимаю, что переплачиваю. Согласны?

– Пятнадцать. – Нужно хоть немного поторговаться.

– Десять, – отрезал он, – и учтите, что я могу вообще не платить. Просто сообщить Глебу Мартыновичу о том, как вы его подставили. И тогда уже другой человек за другие деньги сделает контрольный выстрел вам в голову.

Вот мерзавец! Он еще угрожает. Так обидно. Но он прав. Если пойдет на принцип, то вполне может ничего не заплатить и выдать меня Палехову. Напрасно я решил с ним связаться. Надо было завтра прыгнуть на машину, гарантированно получить свои пять тысяч и отвалить. Но мне так хотелось получить немного больше денег.

– Уже готовы меня сдать, – покачал я головой, – все вы такие... продюсеры.

– Десять тысяч, – упрямо повторил Хейфиц, – деньги получите завтра утром. Дайте мне номер своего мобильного телефона, вам позвонят. Но только учтите, что со мной такие шутки не проходят. Если решите все-таки подставить меня, как Палехова, то вообще никаких денег не получите. А вместо них у вас будут большие неприятности.

– Вы же понимаете, как я рискую.

– Будем считать, что мы договорились. – Леонид Иосифович кивнул мне и повернулся к появившемуся в коридоре Михаилу Лихоносову, которого сопровождала целая толпа людей.

Я мгновенно ретировался. Все-таки, заплатив двести долларов, я получил десять тысяч. Хотя еще не получил. Но посмотрим, чем все это закончится. Ведь игра только началась.

Кстати, по дороге домой я зашел в интернет-клуб и проверил информацию об аварии Лихоносова. Действительно, восемь лет назад Михаил наехал на человека, но Глеб Мартынович сумел его «отмазать», доказав, что прохожий сам был виноват в этом наезде. Представляете, в каком состоянии будет завтра Лихоносов, когда второй раз совершит подобный наезд? Нужно отдать должное Глебу Мартыновичу, он все психологически правильно рассчитал: если во второй раз придет на помощь своему бывшему подопечному, то Лихоносов поверит в него как в своего ангела-хранителя. Палехов учел все нюансы человеческой психологии, кроме одного фактора. И этим фактором был я.

Глава 3

Я родился в шестьдесят четвертом в Баку. Старожилы вспоминают, что шестидесятые годы были лучшим временем этого города. Уже ранней весной распахивались окна, пахло удивительными ароматами цветов и дорогого парфюма, модницы доставали свои платья, чтобы пройти по Торговой, тогда так называли центральную улицу имени Низами, где встречалось все высшее общество и где было больше всего магазинов. Появились «пижоны» и «стиляги» – молодые мужчины, одетые даже летом в темные костюмы, нейлоновые рубашки и узкие галстуки. Такие южные модники. Каждую красивую женщину знал весь город. По имени одной из них мэр даже назвал кафе на бульваре. В свою очередь, кумиром женской половины города был молодой Муслим Магомаев, чей удивительный голос звучал повсюду, придавая южному городу еще больше шарма и очарования.

Таким был Баку – теплый, интернациональный город у моря, своеобразное воплощение советской мечты, когда у людей не спрашивали национальности, а ценили за порядочность и верность слову. Поступать непорядочно было просто невозможно, не отдавать долги – немыслимо, предавать друзей считалось самым тяжким грехом.

Небольшие рестораны и кафе обычно работали до утра, настоящая жизнь начиналась в городе с заходом солнца и продолжалась до рассвета. На проспекте Нефтяников располагался книжный магазин, в котором проводилась подписка на собрание сочинений классиков, и многие старые бакинцы с удовольствием вспоминали, как горожане оставались ночевать прямо на улице

перед магазином, чтобы утром записаться на понравившееся им собрание сочинений.

В этом городе ценили юмор и умели шутить. Особую гордость вызывала местная команда КВН, которая умудрилась в грандиозном финале двадцатого века победить непобедимых одесситов, доказав, что чувство юмора у бакинцев развито ничуть не хуже, чем в Одессе.

Может, поэтому мои детские воспоминания были такими светлыми и радостными. Мой отец Бахрам Салимов был главным режиссером местного театра, а моя мать – актрисой в этом театре. Несмотря на большую разницу в возрасте – отцу было уже далеко за сорок, а матери только двадцать восемь, – их это не пугало, они сошлись в начале шестидесятых, а в шестьдесят четвертом родился их сын – Ильгар Салимов, то есть я. Через два года появилась на свет и моя сестра – Натаван, которую назвали в честь известной поэтессы, ханши, жившей в девятнадцатом веке, чей памятник стоял в центре города.

Отец был весьма уважаемым человеком, его знали все горожане. Мы жили на том самом проспекте Нефтяников, где отец получил четырехкомнатную квартиру в большом красивом доме над аптекой, и ходили с сестрой в престижную шестую школу рядом с нашим домом. Сейчас понимаю, что это были лучшие годы не только для нашего города, но и для нашей семьи и вообще для многих бакинцев, даже не подозревающих, что именно произойдет с Баку в конце века. Мы все, мальчики и девочки, родившиеся в начале шестидесятых, высчитывали, сколько нам будет в двухтысячном году. Почему-то эта дата считалась особенно интересной, и всем было любопытно, что именно произойдет на смене веков. Мы даже фантазировали на эту тему. Многие были уверены, что к тому времени полеты на Луну и Марс станут регулярными и произойдут удивительные изменения в нашей жизни. Будущее виделось таким светлым и радостным.

Школу мы окончили в восемьдесят первом. Потом будут говорить, что это был последний год «брежневского застоя». Мы этого как-то не чувствовали, наоборот, казалось, все обещало прекрасные перемены в нашей жизни. Почти все мои одноклассники поступили в институты, а я, конечно, подал в театральный. Ну, куда еще я мог поступить, когда мой отец считался почти живым классиком, а мать была ведущей актрисой нашего драматического театра? Оба получили звание народных артистов и даже заработали по Государственной премии.

В институт я поступил легко, сказало же обстоятельство, что почти вся приемная комиссия состояла из учеников моего отца или знакомых моей матери. Окончив институт, я должен был по распределению отправиться куда-нибудь в район, но и здесь сказались связи моих родителей. Определив меня в русский драматический театр, почти сразу меня начали вводить в разные спектакли, иногда даже на главные роли. Сейчас понимаю, что это был своеобразный аванс, которые мне выдавали как представителю известной артистической семьи.

Через год меня призвали в армию, и опять сказались связи моего отца. Армию я проходил фактически дома, наша часть находилась в городе, и командиры нечасто донимали меня разными вызовами. На следующий год я вернулся в свой театр. Еще через два года мой отец, которому было уже за семьдесят, решил, что меня пора женить, и отправил сватов к заместителю министра культуры, который как раз и курировал театры. Тот был чрезвычайно рад предложению, ведь отец являлся не только главным режиссером и лауреатом всевозможных премий, а еще и депутатом нашего Верховного Совета и руководителем Комитета культуры.

У заместителя министра было три дочери, всех надо было пристраивать, поэтому он с удовольствием согласился отдать свою старшую дочь за меня. Мы почти не были знакомы, когда родители решили нас поженить. Конечно, знали друг друга по Загульбе, но и только. Загульба – это большой правительственный санаторий, где летом обычно отдыхали представители элиты. Там находилась и первая правительственная дача, на которой жили первые четверо руководителей республики. Первый секретарь ЦК, второй секретарь ЦК, председатель Совмина и председатель Президиума Верховного Совета республики. На второй правительственной даче жили министры и руководители из ЦК, а в санатории останавливались депутаты, заместители министров и известные творческие люди. Вот там мы и познакомились с моей будущей супругой Фаридой.

Она была милой симпатичной девушкой двадцати двух лет. По местным меркам, это довольно много, и родители серьезно думали о том, как поскорее выдать ее замуж.

Шел восемьдесят восьмой год. И здесь начались карабахские события. Собравшиеся в Степанакерте представители армянской общины потребовали выхода Нагорного Карабаха из состава Азербайджана и передачи его соседней республике. В Аскеране во время схватки между местными азербайджанцами и

армянами погибло двое азербайджанских юношей. А потом произошли трагические события в Сумгаите, которые безо всякого преувеличения потрясли всю страну. Двадцать шесть убитых армян и шестеро азербайджанцев – таким был итог кровавых сумгаитских событий. Многие бакинцы находились в состоянии шока. Никто не мог даже предположить, что подобное возможно в нашей солнечной интернациональной республике.

В Москве состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором было решено, что границы между республиками менять невозможно, так как это приведет к грандиозному хаосу внутри страны. Наивные люди, они не понимали, что хаос уже начался, вырвавшись на свободу.

В мае восемьдесят девятого года открылся очередной съезд Советов, и мой отец был избран на него депутатом. Осенью мы с Фаридой сыграли свадьбу. Отец выбил для нас двухкомнатную квартиру на проспекте Ленина, тесть подарил мне машину «Жигули» и обставил нашу квартиру импортной мебелью.

В начале девяностого я еще успел получить премию комсомола нашей республики, которая тоже считалась достаточно престижной. И в том же январе девяностого мы все пережили страшную трагедию, когда погромы начались уже в самом Баку. Десятки тысяч азербайджанцев выходили на улицы, чтобы защитить своих армянских соседей, но, несмотря на это, погибло пятьдесят шесть человек. Через несколько дней в город ввели войска, и число погибших выросло в несколько раз, причем среди убитых были представители разных национальностей, попавшие под действие безжалостной армейской машины, – азербайджанцы, русские, евреи, лезгины. А самое страшное – дети и старики, оказавшиеся случайными пострадавшими в этой резне.

В марте девяносто первого у нас родилась дочь, которую называли Эльвирой, а в августе произошли печально известные события, после которых Советский Союз был окончательно разорван и похоронен. Многие тогда полагали, что теперь наконец мы заживем достойно и деньги, уходившие в центр, будут оставаться в самой республике. Сколько демагогов вылезали на трибуны с криками, что мы можем мостить золотом наши тротуары, если нам позволят самим продавать свою нефть. Какие глупые иллюзии мы тогда строили, какие непродуманные реформы проводили.

Едва распался Советский Союз, как военное противостояние между Азербайджаном и Арменией вспыхнуло с новой силой. В марте был сожжен и

уничтожен азербайджанский город Ходжалы со всеми жителями. Президент ушел в отставку, и к власти пришел новый руководитель. Потом было еще несколько потрясений, переворотов, революций, и летом девяносто второго у власти утвердился Народный фронт. Мы еще пока продолжали жить по инерции, проедая остатки своих запасов и тратя оставшиеся деньги.

Летом девяносто второго умер отец, сердце которого не выдержало всех этих переживаний, и начался новый этап в моей жизни. Собственно, только тогда я начал осознавать, что он для меня значил. Оказывается, до сих пор мы просто жили за его счет. Моя супруга нигде не работала, окончив филологический факультет университета, она сидела дома с маленькой Эльвирой, а я по-прежнему числился в театре, где уже почти не было никаких новых постановок, так что моя зарплата составляла примерно четыре с половиной доллара в месяц, и нужно было решать, как выживать в таких условиях.

Моя постаревшая мать жила с семьей моей сестры, и им тоже приходилось нелегко, хотя муж Натаван работал в районном исполнительном комитете и мог хотя бы обеспечивать свою семью – жену, тещу, двоих детей. А я должен был что-то придумать, чтобы найти возможность содержать собственную семью. Пока нам помогал отец моей супруги. Уйдя с должности заместителя министра культуры, он стал директором крупного универсама и довольно прилично зарабатывал. Настолько прилично, что мог помогать семьям всех трех своих дочерей.

Время было тяжелым, и мать продала дачу, с которой было связано столько наших детских воспоминаний, а мне пришлось продать свои «Жигули», подаренные мне тестем, чтобы иметь хоть какие-то деньги. Но и они довольно быстро закончились.

С этого все и началось. Как-то Фарида попросила меня купить мяса, а я ответил, что у меня нет денег. Наверное, я был не прав, в любом случае муж не должен так отвечать, иначе жена сразу теряет к нему уважение. Но ведь и жена должна понимать, что я ответил так не потому, что жалел деньги, а потому, что их на самом деле не было. Она же накричала на меня и, забрав дочку, уехала к отцу. Правда, вечером вернулась, и водитель ее отца принес две большие сетки продуктов. Я почувствовал себя почти оскорбленным, но ничего не посмел сказать.

В течение нескольких месяцев водитель тестя привозил нам продукты. Нужно было видеть, с каким выражением лица он здоровался со мной. Очевидно, посылая продукты, отец Фариды что-то говорил в присутствии своего водителя, поэтому тот вел себя так нагло и пренебрежительно. Да и моя собственная супруга сильно изменилась. Она уже не стеснялась меня оскорбляла, называла бездельником и кретином, который не может заработать даже на памперсы для дочки. Кстати, деньги тоже присылал ее отец. Я готов был взяться за любую работу, но ее просто не было. Мне, правда, немного подняли зарплату, и теперь я получал около двадцати долларов, но их даже на сигареты не хватало. Поняв, что такая роскошь мне не по карману, я бросил курить раз и навсегда.

Некоторые наши актеры устраивались вести разные банкеты и приемы, другие переодевались клоунами и веселили детей богатых родителей на таких приемах, а многие подрабатывали в овощных киосках или торговали фруктами на базарах. Уже позже я узнал, как выживали актеры в России. Им тоже приходилось нелегко. Мой любимый актер Ивашов, который так блистательно сыграл в «Балладе о солдате», пошел работать на стройку и, надорвавшись, умер. А другой актер, уже тогда бывший легендой, – Спартак Мишулин гримировался и шел торговать в овощной палатке, чтобы выжить и прокормить семью. Наверное, следует уважать людей, которые делали такой нелегкий выбор в эти скотские времена.

Мне тоже предлагали поработать на базаре, но мне было стыдно. Не за себя. Я готов был взяться за любую работу, лишь бы прокормить свою семью, не видеть наглой ухмылки водителя моего тестя и вообще не принимать от них денег. Но я был сыном знаменитого Бахрама Салимова и не мог просто так появиться на базаре, чтобы не позорить память своего отца. Так прошел целый год. Я уже не знал, что делать. Профессия актера никого не могла прокормить. Как и другие творческие профессии. Писатели, композиторы, художники оказались в таком же положении. Музыкантам было легче – они создавали коллективы и выступали на свадьбах и других торжествах. Многие композиторы и дирижеры уехали на заработки в соседнюю Турцию, поднимать там уровень культурного музыкального образования.

Потом начали постепенно выходить из кризиса художники. Сначала просто халтурили, затем стали потихоньку продавать свои картины, подстраиваясь под вкусы клиентов. Тогда и выяснилось, кто из них вообще может считаться художником. Многие дутые авторитеты так и остались пустыми величинами. Кому нужны художники, картинами которых никто не интересуется и которые

никто не хочет покупать? Звания, премии, награды – все это лишь пустой звук. Если ты никому не интересен, если ты вообще не умеешь быть интересным, то извини подвинься. Капитализм очень строго оценивает реальную стоимость твоего таланта.

А вот писателям пришлось хуже всего. Оказалось, что их творчество просто ничего не стоит. Они еще пробовали трепыхаться, как-то удержаться на плаву, издавали книги за свой счет. Но уже тогда было понятно, что они все обречены. Ссылки на гениальность и непонимание дураков-читателей выглядели достаточно глупо и наивно. Гомера и Шекспира, Толстого и Достоевского, Бальзака и Диккенса понимали, а их гениальное творчество людям недоступно. Даже смешно.

И, конечно, больше всех пострадали актеры. Кино уже почти не снимали, в театрах не было новых постановок, а сами актеры получали символические гроши. Красивые актрисы еще могли рассчитывать на возможных спонсоров, а мужчины были просто обречены. Даже народные и заслуженные получали гроши, что же говорить про обычных артистов. В общем, положение было аховое. И тогда появился Расим, который предложил мне стать его компаньоном.

Если бы я раньше занимался бизнесом, то, возможно, сумел бы верно оценить возможные риски, но я был актером и сыном актера и режиссера, а никак не бизнесменом, поэтому и дал так легко себя уговорить, согласившись стать компаньоном Расима. Нужно было внести двадцать пять тысяч долларов и купить эту проклятую кожу, которую он сторговал для нас в Турции. Чтобы найти двадцать пять тысяч долларов, я заложил свою квартиру в банке за тридцать тысяч. Тогда за нее больше никто бы не дал. Да и эти деньги мне выдали только потому, что один из банкиров узнал меня и вспомнил, что я сын самого Бахрама Салимова. Я получил тридцать тысяч долларов и двадцать пять сразу отдал Расиму. Нужно сказать, что сам он как раз не обманул, действительно вложил свои двадцать пять тысяч долларов и добавил мои двадцать пять. Думаю, вы уже догадались, чем все это закончилось.

Судя по расчетам Расима, мы должны были купить кожу за пятьдесят тысяч долларов и продать ее за восемьдесят. Чистая прибыль намечалась в размере сорока процентов, остальные деньги уходили на оформление сделки и переправку кожи в Баку. В общем, мы купили плохую кожу, которая никуда не годилась, она оказалась некачественной и некондиционной. Покупатели оценили ее в двадцать тысяч, да и то с большой натяжкой. Двадцать вместо

восьмидесяти. Вот такой «навар» у нас получался после всех выплат, но и этих денег нам никто не гарантировал. Я держался до последнего. Ничего не говорил Фариде, пытался найти деньги, чтобы внести их в банк и погасить кредит, и все напрасно. Какой дурак одолжит такую сумму, понимая, что я никогда ее не верну?

Куда я только не бегал! В другие банки, в Союз театральных деятелей, даже к своему тестю. Но никто не собирался давать гигантскую по тем временам сумму такому бездельнику, как я. И, в конце концов, произошло то, что должно было произойти. К нам домой приехали судебные исполнители, чтобы выселить нас из квартиры, описать нашу мебель и вещи, находящиеся в доме, и забрать их. Как только они начали работать, Фарида сорвалась на крик. Прямо при них стала обвинять меня в том, что я дегенерат и козел, готовый заложить ради денег не только наш дом, но и свою семью. Судебные исполнители лишь мрачно отворачивались. Потом приехал ее отец, который тоже достаточно резко высказался в мой адрес, и сообщил судебным исполнителям, что готов оплатить все мои долги банку. Что он и сделал на следующий день. Мы остались жить в своей прежней квартире, но теперь она была уже не моей, тесть переписал ее на имя Фариды.

И с этого дня наша квартира превратилась в место моего вечного третирования, в ад, в котором я теперь вынужден был жить. И я понял, что долго так продолжаться не может.

Глава 4

Я живу в многоэтажном доме на шоссе Энтузиастов. Конечно, у меня нет квартиры, и я снимаю одну комнату в трехкомнатной квартире Клавдии Матвеевны, за которую плачу триста долларов в месяц. Еще одну комнату снимают Хамза и Адхам, приехавшие из Таджикистана. Первый – таджик, а второй – узбек, но они проживают вместе в одной комнате и платят на двоих триста долларов, хотя комната у них немного больше, чем у меня. В третьей комнате живет сама Клавдия Матвеевна. Все три комнаты изолированные, и это очень удобно. Удобно жить в нормальной квартире, иметь крышу над головой и чистую постель.

Вот поэтому мы и живем втроем в одной квартире вместе с нашей семидесятилетней хозяйкой. Хамза и Адхам работают на стройке, они квалифицированные строители и зарабатывают в месяц до двадцати пяти тысяч рублей, из которых половину сразу высылают домой, в Таджикистан, а из оставшихся платят за квартиру по четыре с половиной тысячи рублей. Примерно по восемь тысяч остается на все расходы, питание и одежду. Конечно, жить на эти деньги почти невозможно, но они как-то умудряются не только выживать, но и откладывать часть денег. Питаются концентрированными супами, покупают макароны и гречку на оптовых складах, картофель и лук на овощных базах. И даже иногда дают мне в долг.

А я, не обладая навыками строителя, пытаюсь как-то выживать, поменяв уже семь или восемь рабочих мест, но нигде так и не закрепившись до конца. Хотя Хамза и Адхам предлагали мне место чернорабочего на их стройке, но я уже однажды там работал и сбежал через четыре недели. Такая работа явно не для меня. Не нужно было учиться на артиста, чтобы потом переквалифицироваться в чернорабочего. Нет, не потому, что я такой ленивый или неспособный. Просто выяснилось, что я быстро устаю и никак не подхожу для физической работы. Не забывайте, что я вырос в очень обеспеченной семье. Отец был депутатом, главным режиссером самого крупного театра, известным человеком в городе. Я никогда не задумывался в детстве о деньгах. У нас было все, и даже с излишком. Персональная машина с водителем, кухарка и домработница, которые летом ездили с нами на нашу загородную дачу. У отца было даже разрешение заказывать особые продукты в спецмагазине, как у руководителя Комитета по культуре Верховного Совета. Во времена, когда мясо, масло, а потом и сахар давали по талонам, нам из спецмагазина беспрепятственно доставляли любые продукты. Но это уже в восьмидесятые годы. А в шестидесятых в магазинах можно было купить даже черную икру, продававшуюся в баночках, не в правительственных, в обычных магазинах. Почему потом все пошло наперекосяк, я не знаю. Тем более даже представить себе не мог, что мне придется уехать из родного города и мыкаться без работы и без денег. Однако все получилось именно так, как получилось.

Домой я приехал примерно в одиннадцатом часу вечера и сразу позвонил Арвиду.

– Что случилось? – недовольно спросил он. – Мы договорились встретиться завтра. Почему ты решил позвонить сейчас?

– Они все знают. – Разговаривая с Арвидом, я невольно подражал его манере, выражаясь короткими фразами.

– Кто знает? – не понял он.

– Они все знают о нашем плане.

– Нет. – Это все, что он смог из себя выжать.

– Они мне позвонили и сказали, что все знают. – Я понимал, насколько рискованной была игра, но мне было уже все равно. Впервые за десять лет я мог вылезти из той нищеты, в которой находился. Впервые за десять лет мог что-то сделать, чтобы наконец вырваться из той ямы, в которую попал не по своей воле.

– Они не могут знать, – ответил Арвид, – этого не может быть.

– Они позвонили и сказали, что знают, – упрямо повторил я.

Арвид долго молчал. Потом спросил:

– Где ты сейчас?

– Дома. У себя дома. – Так я называл свою комнату в квартире на шоссе Энтузиастов.

– Выйдешь через полчаса. Я пришлю машину. Нужно переговорить, – предложил он и сразу отключился.

Я понял, что он будет звонить Глебу Мартыновичу. Теперь начиналось самое главное. Если я рассчитал неправильно или в чем-то ошибся, то вся эта затея может очень плохо закончиться. Палехов решит, что не стоит ничего предпринимать, раз Хейфиц узнал о готовящейся аварии, и просто прикажет меня удавить. Но если я все верно рассчитал, то Палехов ни за что не захочет уступить Хейфицу. Это не только личные амбиции, это еще и борьба за влияние, за первое место под солнцем. Ведь каждый из этих двоих считает себя лучшим и самым главным продюсером. Ошибки быть не может, Глеб Мартынович просто

обязан вступить в игру и в любом случае переиграть своего основного конкурента.

На всякий случай я достал оставшиеся деньги и спрятал их под половицей в коридоре. В своей комнате ничего прятать нельзя. Если все-таки ошибусь, сюда приедут люди, перевернут комнату и найдут все, что захотят найти. Недавно видел по телевизору один поразительный репортаж. Людям предложили спрятать свои деньги в десяти разных местах. Где обычно прячут деньги? В книгах, в складках белья, в разных банках, в карманах пиджаков, среди различных круп на кухне, даже в туалетных бачках. Обычная психология обычных людей. А потом попросили специалиста по домашним кражам найти спрятанные деньги, и он практически сразу нашел их в восьми или в девяти местах из десяти. Абсолютное попадание, восемьдесят или девяносто процентов. Даже обидно за людей, настолько примитивно они выглядят.

Через полчаса я сидел в машину, которую прислал за мной Арвид, а через сорок минут мы остановились рядом с другой машиной, где сидели Глеб Мартынович и Арвид. Пересаживаясь в их машину, я заметил, как недобро смотрит на меня Палехов.

– Что у тебя произошло? – недовольно спросил он. – Откуда Хейфиц мог узнать о нашем плане?

– Не знаю. Но им все уже известно.

– Давай по порядку, – мрачно потребовал Глеб Мартынович, – откуда все эти сведения?

– Я был на концерте в «Крокусе», где оказались и люди Леонида Иосифовича, – пояснил я ему. – Один подошел ко мне и предложил встретиться с Хейфицем.

– И ты с ним разговаривал? – недоверчиво спросил Палехов.

– Меня отвели за кулисы, и я с ним разговаривал. – Если даже меня проверят на детекторе лжи, то и тогда окажется, что я говорю правду.

– Что он тебе сказал?

– Сказал, что знает о завтрашней аварии, и предложил мне на него работать.

– Каким образом? Конкретно? – Я видел, как он нервничает.

– Он предложил мне сделать все, как вы приказали, а потом позвонить ему из больницы, куда меня отвезут.

– Зачем?

– Не знаю. Он так предложил.

Палехов долго и тяжело смотрел на меня, потом неожиданно заговорил:

– Я тебе не верю. О моем плане не знал никто, кроме меня и Арвида. Ты блефуешь. Где ты сегодня был? Только не лги, я все равно узнаю.

– На концерте в «Крокусе». – Я вытащил из кармана билет и протянул ему: – Вот мой билет. Можете все проверить. И сам Леонид Иосифович тоже там был.

– Сейчас проверю, – ответил Палехов и достал телефон. Набрал номер, с кем-то поздоровался и попросил: – Паша, узнай для меня, был ли сегодня Хейфиц в «Крокусе» на концерте. Да, мне это нужно как можно скорее. – Убрал телефон, снова испытующе посмотрел на меня. – Что дальше? Сам понимаешь, если ты соврал, мне будет очень неприятно.

– Я же вам показал билет.

– Что он тебе предложил? Неужели просто сказал, чтобы ты ему позвонил?

– Нет, он дал номер своего телефона.

– Какой номер?

Я продиктовал ему номер телефона. Палехов посмотрел на Арвида. Тот кивнул головой, очевидно, это означало, что он запомнил номер.

- Дальше, - потребовал Глеб Мартынович.

- Он предложил мне деньги.

- А ты отказался, - очень нехорошим голосом произнес Палехов.

- Я решил позвонить Арвиду, - выдохнул я, и в этот момент раздался телефонный звонок.

- Слушаю, - сказал Глеб Мартынович, доставая свой телефон. - Значит, сегодня вечером был концерт, и там выступал Михаил Лихонос, - удовлетворенно повторил он, глядя на меня, - но Леонида Иосифовича там не было... - Не договорив, поморщился, увидев, как Арвид вытаскивает пистолет: - Только не в машине. А ты напрасно соврал, чернозадый. Должен был догадаться, что я все проверю.

- Он там был, - выдохнул я, - и я с ним действительно разговаривал.

- Не нужно лгать, - мрачно посоветовал Палехов, - тебе все равно уже ничего не поможет. Выходи из машины!

- Подождите! Вы можете сами все проверить. Завтра мне передадут деньги...

- Ты уже заврался, придурок, - зло бросил Глеб Мартынович, - пошел вон!

Я уже прощался с жизнью. Кажется, моя игра закончилась, не успев даже начаться. И в этот момент раздался еще один телефонный звонок. Палехов снова взял трубку, а Арвид взмахнул пистолетом:

- Выходи!

- Подожди, - недовольно остановил его Глеб Мартынович, - похоже, этот чурка сказал правду. Хейфиц там все-таки был. Его видели за кулисами, но в зале он не появлялся. Подожди...

Я перевел дыхание. Палехов убрал телефон и задумчиво произнес:

– Значит, ты с ним разговаривал, и он поэтому даже не вышел в зал. Это на него похоже, хитрая лиса. Когда ты должен получить деньги?

– Завтра утром.

– Сколько он тебе пообещал?

– Двадцать пять тысяч, – нагло соврал я, чудом избежав смерти.

– Двадцать пять, – повторил Палехов, – очень щедро. Наверное, он придумал какую-нибудь новую пакость, – и посмотрел на Арвида.

Тот молчал, но пистолет все же убрал. Если я переживу эту ночь, то могу считать себя второй раз рожденным.

– Завтра проверим, – проворчал Глеб Мартынович, – если ты действительно нас не обманул, можешь оставить себе эти деньги.

– Я вас не обманывал.

– Интересно, каким образом Хейфиц мог узнать о нашем плане? – подозрительно посмотрел на своего помощника Палехов. Пусть думает на него, мне теперь все равно.

– Я заказывал кровь, – продолжил Арвид, – они могли понять. Еще наш водитель Сергей, он отвозил нас сегодня утром на то самое место у дачи.

– Кто еще?

– Ваша Зина. Вы поручали ей узнать точный адрес дачи Лихоносова. – Надо же, как Арвид разговорился. Он готов был подставить кого угодно, лишь бы не думали на него.

– Теперь я должен подозревать всех, кто находится рядом со мной, – разозлился Палехов. – Ты понимаешь, что говоришь? Зина работает у меня уже восемь лет, и я ей всегда доверял. Сергей тоже работает больше пяти лет.

– А я работаю с вами двенадцать лет, – напомнил Арвид. – Нужно будет всех проверить.

– Похоже, ты прав, – вздохнул Палехов и посмотрел на меня. – Значит, он готов был заплатить тебе двадцать пять, а ты все равно решил нам не изменять? И я должен поверить в честность такого чурки, как ты? Почему ты решил нам позвонить? Только не лги, все равно в твою порядочность не поверю. У вас, чернозадых, нет никакой порядочности. Скажи, почему?

– Я... я испугался. Я испугался Арвида. – Кажется, у меня получилось достаточно натурально, и Глеб Мартынович впервые удовлетворенно кивнул головой. Он поверил. Люди часто верят в трусость гораздо больше, чем в честность. Страх делает умных людей дураками, а сильных – слабаками. Палехов поверил в мой страх перед Арвидом. Ведь кем был я? Непонятным типом без гражданства, без всякой защиты и связей, почти бомжом, которого наняли исполнить роль.

– Мы все равно завтра все проверим, – сказал Глеб Мартынович. – Если ты действительно оказался честным трусом, я выплачу тебе не пять, а пятнадцать тысяч. Доволен?

– Лучше двадцать пять, – набрался я наглости, – после этого случая я должен буду отсюда сбежать. Сами понимаете, Хейфиц не простит мне такого предательства, ведь он предложил мне целое состояние.

Это ему понравилось еще больше. Люди с такой охотой верят в порочность, алчность и трусость других людей, словно это оправдывает их собственные низменные качества.

– Ладно, в конце концов, за верность надо платить. Если все завтра утром подтвердится, я доплачу тебе еще двадцать пять, чтобы ты мог вернуться к себе на Кавказ и купить себе там домик с палисадником.

Знал бы этот кретин, что у нас в Баку домик с палисадником стоит ничуть не меньше, чем в Москве. Сказывается нефтяное богатство. Цены взлетели так, что даже страшно сказать. Раньше за двадцать пять соток можно было заплатить три или четыре тысяч долларов, а сейчас двадцать пять соток земли в дачном поселке иногда стоят до семидесяти пяти тысяч долларов. Это голая земля без домов. Вот такие цены. Но об этом я ему не стал говорить, только пообещал:

– Я все сделаю как вы сказали. А завтра утром пришлите Арвида или вашего водителя, пусть поедет со мной, когда я буду получать деньги, и вы убедитесь, что я вас не обманываю. Заодно можете прислать и свои деньги, чтобы я чувствовал себя спокойнее. И тогда я смогу сыграть свою роль...

– Ничего ты не сыграешь, – возразил Палехов. – Раз они знают и готовятся к этой аварии, у них, видимо, есть свой план. И тебе я заплачу не за то, что ты прыгнешь на машину, а за то, что поможешь нам разгадать план этой хитрой лисы.

– Я готов...

– Тебя сейчас отвезут домой, и постарайся сегодня ни с кем больше не встречаться.

Вот этого я ему не мог обещать. Сегодняшняя ночь должна стать решающей и самой важной для меня за десять лет, которые я провел в этом городе. Поэтому я пересел из его машины в другую, и мы поехали ко мне домой, на шоссе Энтузиастов.

Как только я оказался дома, сразу достал свой телефон и набрал номер, который дал мне Леонид Иосифович.

– Кто говорит? – раздался его недовольный заспанный голос.

– Извините, что я вас беспокою, – быстро начал я, стараясь говорить как можно взволнованней и тревожней, чтобы он почувствовал мое состояние, – но я должен вас предупредить. Он уже все знает...

– Как это знает? – растерянно произнес Хейфиц.

Можете себе представить мою жизнь после того, как тесть выкупил нашу квартиру? А ведь это была квартира, которую нам выбивал мой отец. При каждом удобном случае Фарида вспоминала о моем неудачном бизнес-плане и о том, как мы едва не остались без квартиры. В спальню меня, конечно, не пускали. Я ночевал на диване в столовой, а в спальне оставались жена с дочерью. Девочка, естественно, видела и понимала, как ко мне относится ее мать.

Денег у меня, конечно, не прибавилось, и на этой почве постоянно вспыхивали скандалы. Жена обвиняла меня не только в неумении зарабатывать деньги, но и в ее погубленной жизни, вспоминала, какие парни к ней пытались свататься, словно я виноват в том, что она не вышла замуж до двадцати двух лет. Не говоря уже о заложенной квартире, о которой она вспоминала по поводу и без повода. Хуже всего было, что она ругалась в присутствии ребенка. Я даже не пытался ей отвечать или с ней спорить, и это раздражало ее еще больше. Тогда она начала отыгрываться на дочке. Подзывала ее к себе и заставляла повторять фразы типа: «Мой отец – подлец», «У меня нет нормального отца». Можете себе представить? Сначала дочка плакала и отказывалась произносить такие чудовищные слова, но потом начала их говорить. Я был не особенно против выходок жены, пусть ругается, лишь бы не трогала ребенка, но дочка была уже школьницей и видела, насколько сложные и плохие отношения у ее родителей. Господи, как я ненавидел свою жену в такие моменты! Мне просто хотелось ее убить. Если вы скажете, что так не бывает и в такой обстановке жить просто невозможно, я с вами соглашусь. Но я жил именно так, терпя все оскорбления и выпады жены.

Иногда я думал, что она права, ведь я действительно заложил нашу квартиру и попытался заработать деньги. Но моя отчаянная попытка вырваться из унижительного положения оказалась более чем неудачной. И мы действительно могли лишиться нашей квартиры, если бы нам в очередной раз не помог ее отец.

Но все равно было обидно. Помните какую клятву обычно дают молодожены перед алтарем? Я прочитал где-то у Гюго, как жена обещает поддерживать мужа в несчастье и здравии, в горе и в радости. А моя жена меня ненавидела только за то, что я не мог зарабатывать деньги и устраиваться как все. Хуже всего было, что она насмехалась и над моей профессией, высмеивала моих родителей, которые всю жизнь работали «клоунами» и ничего не заработали. В общем, и здесь она, наверное, была права. В профессии артистов всегда есть нечто клоунское, но разве можно было при жизни моего отца сказать подобное?

Он был не просто артистом, он имел все регалии – народный артист, лауреат всех возможных премий, депутат Верховного Совета сначала республики, а потом и Советского Союза. Нужно было слышать, как Фарида ругала не только моего покойного отца, не сумевшего дать сыну приличное образование, но и мою мать, вырастившую такого дебила. Мне приходилось терпеть и эти слова. Иногда я чувствовал, что просто хочу ее задушить, и в такие дни я уходил ночевать куда-нибудь к друзьям. К маме, которая жила вместе с сестрой, идти стеснялся, чтобы они ничего не узнали. Хотя они, кажется, обо всем догадывались, так как жена с дочкой никогда не появлялась у них дома на различных торжествах и они тоже не могли приходить к нам даже в дни рождения своей внучки. Я сам просил их об этом, понимая, что Фарида может сорваться при людях и наговорить им разных гадостей. Я еще мог терпеть, когда она ругала меня при дочке, но если бы она начала оскорблять меня при родных, я должен был либо отвечать, либо немедленно разводиться.

В общем, было понятно, что мне нужно уходить. А куда я мог уйти, не имея ни квартиры, ни дома, ни денег, ни работы? В театре новых постановок почти не было, хотя артисты и пытались выживать за счет различных мероприятий, но это только гроши. Несколько раз я вел какие-то свадьбы, рекламировал на телевидении наши дома торжеств. К этому времени в городе началось интенсивное строительство таких домов, банкетных залов, ресторанов. Почти каждый уважающий себя чиновник, которому должность давала возможность получить лишние деньги, сразу строил на них подобные заведения.

Помните, в «Двенадцати стульях» у Ильфа и Петрова все граждане уездного города N. рождались, казалось, для того, чтобы побриться, постричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть. В Баку начали строить так много ресторанов и домов торжеств, словно все люди рождаются только для того, чтобы собраться в одном из этих многочисленных залов, весело провести время и на следующий день собраться в другом зале, чтобы снова веселиться и отмечать очередное торжество. Но денег я зарабатывал немного, и они не давали мне ни ощущения стабильности, ни ощущения свободы.

Жена постоянно упрекала меня, что я не занимаюсь другой работой, которая бы приносила мне стабильный доход. Но чем может заняться актер в свободное от работы время? Хотя и работы как таковой не было. Тогда тот самый Расим, из-за которого мы так глупо погорели на коже, предложил мне отправиться с ним на заработки в Турцию. К тому времени в соседнюю страну уже летали несколько рейсов в день, и я подумал, что на этот раз мне должно повезти.

Нужно было закупать дешевый турецкий ширпотреб и привозить его в Баку для продажи. Самое главное, что мы получали твердую оплату за наши услуги. Никакой коммерции, никакого личного бизнеса. За все платил один пузатый местный коммерсант. Он владел несколькими магазинами и был уважаемым человеком в городе, так как успел совершить даже хадж в Мекку. Хозяин платил нам за получение товара и его доставку в Баку. Говорили, что он занимается благотворительностью, щедро жертвует деньги в мечеть. Наверное, действительно жертвовал, только вот зарабатывал их не очень праведно. Товары, которые мы ему привозили, продавал втроедорога и на этом делал свою коммерцию. А в его магазинах всю торговали спиртным, что, в общем, запрещено таким набожным людям, каким был этот мерзавец.

Зато нам действительно начали платить. Мы с Расимом получали товар и отправляли его на автобусах в Баку. Или, если это был достаточно дорогой и важный товар, который нужно было срочно доставить, отправляли его авиарейсами. Должен сказать, что у нас в Стамбуле был какой-то конкурент. Пожилой мужчина среднего роста, который каждый раз появлялся в аэропорту с огромными ящиками. Никаких пошлин он, конечно, не платил, за дикий перегруз с него тоже не брали никаких денег. Когда появлялся этот тип, некоторые пассажиры, летающие достаточно часто, просто пугались: их вещи не доходили до города, а ящики этого проходимца всегда грузили в первую очередь. Но потом мы с Расимом смогли договориться с турками и в результате наши грузы стали доходить даже раньше товаров наших конкурентов.

Мы работали так около двух лет. Не скажу, что я разбогател, но постепенно начал откладывать деньги, зарабатывая на этих поставках. Гораздо спокойнее работать, получая твердый оклад или даже процент с посланных товаров, чем становиться бизнесменом и самому рисковать своими деньгами. В общем, работая в Стамбуле, я постепенно понял преимущество социализма над капитализмом для таких людей, как я. Нет, нельзя сказать, что я был безынициативным и глупым, просто я не был приспособлен для этой капиталистической жизни. Нормальный бизнес – это всегда продуманная и узаконенная спекуляция, ловкачество, приемлемый вид мошенничества. Не обманув, не наживаясь на покупателях или продавцах, нельзя заработать. Поэтому, это понятно всем. Успешный бизнесмен – это человек, умеющий делать деньги. А деньги всегда зарабатываются за счет других людей. Прибавочная стоимость получается благодаря тому, что вы изымаете эти деньги у других и в результате имеете большую прибыль.

А у меня, очевидно, не было особых способностей к мошенничеству и обману. Посмотрите, кто сумел стать бизнесменом в новой России или у нас в Азербайджане. Конечно, бывшие и настоящие чиновники в первую очередь. Настоящие состояния делались на деньгах из государственного бюджета. Только там были большие деньги во время распада страны. И только украв эти деньги, присвоив себе государственное имущество, получив за бесценок заводы и фабрики на подставных залоговых аукционах, можно было стать миллиардером. Затем – большая группа других «специалистов»: бывшие спекулянты, фарцовщики, мошенники, валютчики, которым в прежнем обществе даже не подавали руки. В период потрясений они вылезли наружу, применяя все свои прежние навыки. Продавцы цветов и собранных компьютеров, бутербродов и ширпотреба превратились в олигархов, так как умели обманывать, лгать, приспособливаться и ловчить. Вот эти две группы людей и стали хозяевами новой жизни, а все остальные оказались выброшенными на обочину. Про творческие профессии я уже не говорю. Если вы не позаботились заранее открыть какое-нибудь дело, приобрести недвижимость, вложить деньги в ресторан или в кафе, вы просто влачите жалкое существование. Возможно, если бы мы все родились и выросли при капитализме, то сумели бы приспособиться к этим жестким условиям. Но мы жили в тепличных условиях социализма, и когда в один день от нас потребовали перестроиться, большинство из нас так и не сумели этого сделать. Надо было еще при социализме научиться торговать и спекулировать, чтобы потом плавно перейти в другую формацию.

Комфортно жить, когда ты обеспечен достойной заработной платой и ни о чем больше не думаешь. Может быть, я и не прав, но мне кажется, что социализм нужен обычным людям без амбиций и особых талантов, которые хотят просто достойно жить, а не выживать, нормально существовать, а не умирать с голоду, пытаюсь жульничать и обманывать своих близких.

Два с лишним года, проведенные в Стамбуле, меня многому научили. А потом выяснилось, что наш «набожный» хозяин-бизнесмен попытался сыграть еще и на политическом поле. Его денег ему показалось мало. Вообще это чисто советский феномен, которого не может быть ни в Америке, ни в Европе. Там политики занимаются политикой, а бизнесмены зарабатыванием денег. А в бывших советских республиках богатые люди априори считаются ворами, но самыми умными ворами, что, наверное, правильно. И, конечно, умные люди начинают заниматься еще и политикой, считая себя вправе не только воровать, но и руководить. А другим политикам, уже успевшим занять лучшие и самые теплые места, это не может нравиться. В результате появляется конфликт интересов. Как только где-то и кто-то начинает богатеть, он сразу решает, что пришло

время заниматься политикой, и вступает в конфликт с уже существующими властями. Все богатые люди искренне считают, что стали таковыми не в результате бардака, возникшего при распаде, и не в результате собственной удачи и умения приспособливаться. Нет, они считают, что получили эти деньги благодаря своим уму и таланту. А некоторые, особо бессовестные, даже говорят, что в этом деле им помогает сам Господь. Насколько нужно презирать всех окружающих тебя людей, чтобы выдумать подобную ересь.

Конечно, наш хозяин просчитался. Пока он занимался перепродажей турецкого, польского и китайского ширпотреба, он был на своем месте. Но как только начал заниматься политикой, сразу прокололся. Достаточно быстро стало известно, что он поддерживает оппозиционную партию и пытается пройти в парламент. Естественно, никто его в парламент не пустил и никакие выборы он выиграть не смог. Зато теперь все знали, что он поддерживает оппозиционеров, и у него сразу появились большие проблемы. Два раза его груз задерживали на границе, таможня не пропускала наши товары без должного оформления, начались проверки налоговых органов, подключилась прокуратура. При желании у любого бизнесмена можно найти кучу недостатков. Мало того что он начал разоряться, так еще оказался перед угрозой ареста и длительного тюремного заключения. Конечно, он был не очень умным человеком, раз решил полезть в политику, но достаточно хитрым и ловким бизнесменом, чтобы почувствовать изменение конъюнктуры. Он решил все бросить и уехать, и это его спасло. Быстро перебравшись в Турцию, через подставных лиц он продал все свои магазины и сделал это очень вовремя, так как последний магазин продать все же не успел и директора посадили на четырнадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/abdullaev_chingiz/iskusstvo-vyzhivaniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)